

alex230576@mail.ru

Vitebsk state academy of veterinary medicine, Vitebsk

Summary: The scientist institutions «The Vitebsk state academy of veterinary medicine» bring a significant contribution in the development of the veterinary pharmaceuticals industry of the Republic of Belarus. The requirements of Belarus in veterinary preparations will have been provided with the native for 80% by the 2015 year joint efforts of the workers of pharmaceutical enterprises.

Key words: biotechnology, biological preparations, pharmaceutical preparations.

УДК 378.124.2

О ТРОФИМЕ ГРИГОРЬЕВИЧЕ ЦЫМБАЛЕ

Щетинский И.М., к.вет.н., доцент, Заслуженный врач вет. медицины Украины,
Харьковская государственная зооветеринарная академия, г. Харьков

Аннотация. В Харьковском ветеринарном, а в последующем в Харьковском зооветеринарном институте работал прекрасный педагог, ученый, анатом – Трофим Григорьевич Цымбал. Он прожил большую и интересную жизнь, его любили, и он скромно любил близких к нему по духу людей, людей-тружеников, людей, как и он, служащих идеалам добра, любви, милосердия и духовной красоты.

Он был ярким по мастерству педагогом, истинным, постоянно ищущим ученым.

В наше время в тех случаях, когда приходится вести оценку духовности общества или отдельных людей, живущих в этом обществе, все чаще и чаще можно услышать «А вот раньше было...!».

Современному человеку украинского, российского или любого другого по национальному признаку неокapиTaлизMa внушается мысль о том, что он должен быть обязательно богатым, материально богатым, лидером, он должен преуспевать, для этого он должен быть изворотливым, ловким, пробивным, холодно рассудочным, он должен быть прагматиком, деньги он должен делать быстро и любой ценой, любым способом.

Деньги – это удовольствие, счастье, делать деньги тоже удовольствие, за деньги покупаются любые удовольствия.

Что касается трудолюбия по любви к самому процессу труда, самоограничению, взаимопомощи или даже просто помощи, бескорыстию, терпению, милосердию, созерцательности, то эти и другие добродетели – это добродетели прошлого, это то, что сейчас мешает жить, мешает раскрытию полезного, действительно нужного, в современном понимании, для преуспевания в наше время.

Надо жить, кричат сильные мира сего и подвластные им СМИ, образовательные учреждения, организованные ими производственные и все другие структуры, так, как живут западноевропейские страны, Америка, преуспевающие страны арабского и восточного мира.

Их идеалы, их технологии, их способы – это и для нас, следуя им, мы построим все, что надо, по их мнению, для настоящего человеческого счастья.

Запад и Северную Америку предлагается нам, этносу с многовековой историей, значительно большей, чем у предлагаемых, взять «за образец».

Правда, забывая о том, что Европа, Америка – это континенты, откуда к нам пришли такие пороки, как сексуальные извращения, наркомания, безбожие, ювенальная юстиция, сектанство, нацизм, свободная любовь, поклонение «золотому тельцу» и многое другое пагубное для нас и наших душ.

А потому, к «раньше было» надо прибавить сразу и без всяких скидок: «Богатыри не вы, не будь на то Господня воля не отдали бы ни наше искусство, ни нашу историю, ни нашу науку, ни нашу школу».

Не отдали бы, а сейчас вот возвратим и после этого уже никогда не отдадим.

Когда мне приходится принимать участие в спорах, дискуссиях о нравственности нашего общества, я всегда вспоминаю «Урок в сельской школе». В центре картины огромной духовной силы человек, сельский учитель, его большие, утомленные глаза светятся мудростью и счастьем, он учит детей в лаптях и простом бедном одеянии математике, он учит так, что они

заинтересовались, им хочется решить предложенное математическое выражение. Смотрящим на картину тоже хочется решить выражение записанное на доске, чтобы помочь ребятам.

Одежда ребятшек и учителя сильно разнится, он интеллигент, он из другого мира, они - сельские ребята, но, несмотря на контраст, они, изображенные на картине, единое целое, их объединяет любовь друг к другу, к Учителю, любовь к своей Отчизне, любовь к её будущему.

Возникает мысль о том, как он, Учитель, приехал учить сельских ребят, но он, ведь по всей видимости, отказался от многих удобств городской жизни – от ванны, от лампы под зеленым абажуром, от концертов, от лотерей, от театров, от конных экипажей.

Что его заставило приехать – долг, совесть, призвание, крест, обстоятельства, награда?

Он приехал по зову своего сердца, этот зов пробудил в его сердце Он, создавший такого человека.

Два мира есть у нас, один, который нас творил, другой, который мы по мере наших сил творим. Если первый и второй миры совпадают, то это единственно правильное, настоящее счастье.

В истории Харьковского ветеринарного, потом зооветеринарного института, а сейчас Харьковской государственной зооветеринарной академии много славных имен, в них и в ней работали талантливые, высоко одаренные преподаватели, ученые с большим диапазоном мысли. Многих из них вспоминает история, они создатели кафедр, научных школ, они авторы научных открытий, они воспитатели многочисленной армии ветеринарных врачей, зоотехников, зооинженеров, технологов.

Но среди этих имен есть особое имя, имя человека, который всю свою жизнь отдал учительству, преподаванию, никто из преподавателей, которые учили ветеринарии в Харькове, не отдал столько времени, сил студентам-ветеринарам сколько этот человек.

Имя этого человека Трофим Григорьевич Цымбал.

Настоящим домом для Трофима Григорьевича стала и долгие годы была анатомка, в ней он жил, думал, переживал, размышлял и самозабвенно трудился. Он любил свою работу так сильно, как никто другой. По силе своей любви к своему предмету он превосходил всех, трудился с утра до вечера, первым приходил на работу и последним уходил. Даже находил время в период отпуска заглянуть в вечно любимую им анатомку, ставшую для него родной, своей.

Однако, Трофим Григорьевич не только самозабвенно работал, но и учил студентов и своих сотрудников учиться, учил технике научения через познания конкретики и создания необходимых для ветврача представлений, тому, что ему будет необходимо в практической деятельности. На лекциях и практических занятиях, которые проводил Трофим Григорьевич, все было предельно простым, на них он не «гнал пургу», не было никаких «заморочек», запугиваний, насилия, аффектаций.

Чувствовалось глубокое знание лектором предмета, была уверенность в себе и в способность аудитории понимать излагаемое.

Создавалась обстановка, при которой стыдно было не знать, не уметь, хотелось наоборот хорошо знать и уметь.

Оценки были строгими, заслуженными и объективными, в случае успеха ощущалось обоюдное удовлетворение или радость, часто многие студенты спрашивали разрешения на сдачу с большим баллом, чем получили при первой сдачи. Испрашиваемое с радостью разрешалось. Просьбы сильных мира снизить требования, повысить оценку всегда отвергались, не помогали даже хорошие отношения, дружба, услуги.

Сын Я. П. Пустовара, сотоварища Трофима Григорьевича, на экзамене получил заслуженное – «хорошо», но не испрашиваемую отцом пятерку.

У Трофима Григорьевича хотелось учиться, подкупало его желание научить, конкретика – учеба по препаратам и чтение этих анатомических препаратов. Огорчался Трофим Григорьевич, искренне горевал, если какую-то деталь, какое-то положение ему не удавалось показать на материале из-за отсутствия трупов животных. Трофим Григорьевич учил анатомии так, как её изучали в лучших анатомических школах Российской Империи, через показ, как говорил легендарный Н. И. Пирогов, весь рассказ.

В моей зачетке по анатомии человека стоит пятерка, её я получил на государственном экзамене в мединституте, у своего учителя проф. Р. Д Синельникова, такую же оценку по анатомии животных я получил и у Трофима Григорьевича, но все же научил меня анатомии не медицинский институт, а ветеринарный, благодаря той анатомической педагогической школе, которую создал в этом институте Трофим Григорьевич. В основу своей педагогики Трофим Григорьевич положил труд, он любил сам этот труд и хотел, чтобы студенты при изучении анатомии тоже трудились, параллельно ученик и учитель, трудились самозабвенно, «без отдыха и сна».

Есть еще те, кто помнит историю моей сдачи экзамена по анатомии Трофиму Григорьевичу. Я пошел сдавать ему экзамен только тогда, когда изучил анатомию, как говорят досконально, когда готов был отвечать на все вопросы и не просто отвечать, а отвечать на отлично. Иначе я не мог, задержался, правда, немного со временем, но своим поступком горжусь, его Трофим Григорьевич понял и оценил. Учителю надо представлять только до конца выполненное, совершенное.

Мое знакомство с Трофимом Григорьевичем проходило не только в поле – студент-ветеринар и преподаватель, но и в другом поле.

Впервые о нем я услышал от преподавателей кафедры анатомии человека Харьковского медицинского института.

Я учился в этом институте и был активным членом студенческого научного анатомического кружка.

Раз в месяц на кафедре проходили заседания Харьковского общества анатомов, гистологов и эмбриологов, на заседание приходили морфологи Харькова, из университета, стоматинститута, ветеринарного института и фармацевтического. Заслушивались доклады по профилю работы общества.

Часто на заседания приходил скромный, тихий, незаметный, большеголовый человек, он задавал выступающим очень умные вопросы, свидетельствующие о его прекрасных знаниях как общей, так и частной морфологии и прежде всего анатомии. Многие из выступающих побаивались этих вопросов, смущались и робели, часто в связи с этими вопросами возникали дискуссии, заседания становились интересными и острыми.

Нередко дискуссии продолжались и после слушаний.

Остроту заседаний придавал Трофим Григорьевич Цымбал, доцент-анатом из ХВИ, активно помогал ему Григорий Силыч Козырев, доцент-анатом из ХГУ.

Общество АГЭ Харькова в 50-х годах прошлого 20-го века не было собранием родственных по духу, воззрениям и знаниям людей, разные были люди, но главные места пытались в нем занять снобы, те, кто кичился своей ученостью, своим умением говорить, кто мнил, что он действительно ученый, действительно первый. К сожалению, часто за претензиями таких ничего существенного не стояло, хорошие костюмы, платья, изысканные парфюмы, красивые выражения не скрывали отсутствие крепкого ума, крепких знаний.

Простоте и скромности в таком обществе приходилось плохо, но недоброжелательство, а тем более злость никогда не побеждают настоящий ум.

Трофим Григорьевич в таком обществе не претендовал на первые роли, но многие понимали, что он значительно сильнее других, более высоко титулованных, чем он, лучше одетых или красивее говорящих.

К этому следует добавить, что язык Трофима Григорьевича на лекциях и практических занятиях был простым, доступным, ясным, в предложениях не было ненужных вводных слов и междометий, но его речь выступлений на обществах, как и на других научных заседаниях не была достаточно отточенной. Речь не соответствовала красоте его мысли.

Это служило основанием для плохой радости причисляющих себя к морфологическому бомонду.

Однако, если надо было поговорить об анатомии, то таких в бомонде пруд пруди, но если надо было показать анатомию, препарировать, найти, то таких было мало. Препарировал и действительно знал анатомию только проф. Павел Александрович Евдокимов, доцент Трофим Григорьевич Цымбал, доценты Андрей Васильевич Вересоцкий и Иосиф Исаакович Шапиро.

Препаровка в анатомии – это мастерство, оно от Бога, рассекают умом и руками, самым лучшим из названных был Павел Александрович, сделанные им препараты – это шедевры, они лучше, чем вологодские кружева.

Препаровка Трофима Григорьевича – это мастерство другого рода, это мастерство мастера с искалеченными природой и людьми руками, он хорошо знал, где надо рассекать, но рассечь так, как ему хотелось, не мог.

По его рассказу, он попал в свое время в школу типа эдемоновской, в ней сельских, крестьянских детей учили правильно организованному, на научной основе крестьянскому труду. Среди другого было и рациональное доение. Им он увлекся и готов был доить с утра до вечера. Чрезмерное увлечение привело к трагедии, развилась контрактура кистей, заболевание прогрессировало и необходимо было найти выход из складывающейся ситуации.

Харьковские нейрохирурги предложили произвести деиннервацию, новый метод лечения контрактур.

К несчастью, Трофим Григорьевич согласился, но перед операцией он все же очень просил оперирующих хорошо изучить анатомию операционного поля. Неоправданная самонадеянность нейрохирургов, а это были хирурги с именами и с самыми высокими званиями и степенями, привела к трагедии.

Во время операции были перерезаны не чувствительные, а двигательные нервы кисти.

Такими руками, руками с тяжелым патологическим состоянием, препарировал и жил до самой своей кончины Трофим Григорьевич.

Высокое служение долгу, преданность делу в сочетании с терпением, смирением, законопослушанием, ограничением, честностью, порядочностью определяли почти все сферы его деятельности.

Примеров этому много, каждый из них с теплотой, грустью, любовью, иногда с горечью за несправедливость.

Как-то я возвращался с Трофимом Григорьевичем с работы, на вокзале сели в трамвай и я уплатил за проезд, вышел я раньше Трофима Григорьевича и он поехал без билета.

Поздно вечером раздался телефонный звонок и кто-то в раздраженно грубой форме, недовольный, с издевкой спросил, могу ли я подтвердить, что задержанный безбилетчик Трофим Григорьевич Цымбал - профессор и что его билет у меня, преподавателя Игоря Михайловича Щетинского.

Естественно я все разъяснил и добавил, что задержанный самый авторитетный и самый уважаемый человек в институте. Реплика слушающего: «А какая у него кепка, какое пальто, какой портфель и вообще какой он сам, что в нем профессорского!»

А профессорский в нем ум, скромность, душевная чистота!

Утром я пришел с извинениями, но услышал, что такое случается часто, никаких обид, доброжелательное отношение, все справедливо, все закономерно.

Во всех случаях он поступал просто и справедливо, оценивал людей по знаниям по чистоте их жизненных позиций и устоев.

Как-то, вспоминая прошлое института, он сказал, что считавшийся красой и гордостью ветеринарного института один из близких к нему и его семье профессор ХВИ далеко не краса, красотой был и останется навсегда его противоположность профессор И. П. Мищенко, хлебнувший горя сталинских лагерей.

Первый был барин, вельможа, любитель красивого слова, лекции свои заучивал, производил впечатление на неподготовленных слушателей. Отсюда и слава.

А второй – трудяга, думал во время лекции, говорил просто и только по делу, развил представление об опухоли, как о ловушке азота, мир удивился, признал. Вот он и есть достойный, к сожалению, не оцененный и даже забытый.

Отличалась от других и оценка деятельности Трофимом Григорьевичем профессора И. И. Магды.

По представлению многих, И. И. Магда – большой ученый, прекрасный анестезиолог, умница, блестящий полемист.

Т. Г. Цымбал: «Беда И. И. Магды в том, что он, будучи топографоанатомом, не знал хорошо анатомию, сам он анатомией, препаратом никогда серьезно не занимался. Предлагаемые им точки проводниковой анестезии основаны на заимствовании топографоанатомических данных у других авторов, осуществить проводниковую анестезию по точкам, которые приводятся в его атласе, изданном в Германии, нельзя».

Я в этом сомневался, высказал ему свои сомнения. Он предложил мне убедиться в его утверждениях путем исследований на трупном материале, по его предложению я приготовил специальную желатиновую, подкрашенную черной тушью смесь и на передней конечности мы эту смесь ввели в те точки, которые предлагал И.И. Магда.

Вводимая масса часто находилась далеко от стволов нервов.

Трофим Григорьевич верил только фактам. Как-то я спросил его о степени развития коллатерального кровообращения у человека и животных, у кого оно лучше развито. Мне казалось, что у животных, у них лучше проходит саморазрешение, им надеяться на помощь со стороны – пустое дело.

Небольшая дискуссия и предложение: «Зачем много говорить, зачем беспредметно умствовать, возьмите органы и проверьте, налейте сосудистые системы, у Вас будут факты».

Последовательным фактологом он был и при выполнении своей научной работы.

Он изучал парашитовидные железы животных, изучал дотошно, подробно, крайне долго, но так, что все, что нужно было знать об этих железах, было получено.

По предложению Трофима Григорьевича, эти железы только у человека и у некоторых мелких животных можно называть парашитовидными или околотитовидными, они действительно располагаются у них возле щитовидной железы. Что касается лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец, коз – то у них эти железы должны называться эпителиальные тельца, их у них не одна, а две пары, причем только одна из них располагается возле щитовидной железы, что касается другой пары, то она лежит вне связи со щитовидной железой.

Трофиму Григорьевичу удалось установить видовую топографию ЭПТ.

Над своей работой он трудился с присущим ему спокойным энтузиазмом. Рассказывал мне, что когда он экспериментально доказал, что у сельскохозяйственных животных, кроме ЭПТ-1, имеются и ЭПТ-2, то возникла необходимость найти, определить топографию ЭПТ-2.

Но как ее определить? Пообещал помочь легендарный Владимир Петрович Воробьев, к нему как к главе анатомов Советского государства, одному из лучших анатомов царской России, Трофим Григорьевич обратился за помощью. По мнению Владимира Петровича, искать надо, применяя метод избирательного окрашивания макропрепаратов. К сожалению, реализовать предложенное не удалось, Владимир Петрович ушел из жизни из-за ошибки своего друга, хирурга в 1937 году.

Поэтому поиск – путем обычной препаровки шеи, шаг за шагом под контролем результатов гистологического анализа, кропотливая, объемная, очень медленная работа, к тому же страшно трудоемкая. Все, что попадалось в результате препаровки и что чем-то напоминало искомые железы, подвергалось гистологическому анализу.

Кто кого победит, или исследователь работу, или работа исследователя. Победил Трофим Григорьевич, он нашел то, что искал.

Сейчас и в прошлом многие торопятся жить и чувствовать, спешат, быстрее получить звания и степени, хотя бы покрасивее называться и именоваться, не думают, что они действительно стоят. Часто ничего, замаскированная под науку чушь несусветная, к тому же и ненужная.

Почти всю свою жизнь скромный Трофим Григорьевич пребывал кандидатом биологических наук, доцентом, доктором и профессором он стал только на склоне своей жизни, чем же тогда он жил. Жил трудом, для таких людей как Трофим Григорьевич радость и счастье не только по концу работы, но и по ходу ее выполнения, творчество – это всегда поиск, бывает озарение – быстрое, стремительное, как у Галуа, а бывает медленное, долгое, но и то и другое приносит удовлетворение, наполняет жизнь радостью познания непознанного.

Трофима Григорьевича Цымбала, несмотря на скромное положение, которое он занимал, несмотря на отсутствие у него высоких титулов, знали многие как скромного труженика, для которого чистый, совестливый труд был смыслом жизни, он был настоящим интеллигентом, интеллигентом не по происхождению или по форме, а по содержанию.

Крестьянский уклад детства воспитал в нем трудолюбие, пробудил любовь к природе, животным, к труженикам села, к скромности.

В последующем по мере познания красоты научного творчества он понял, что это творчество дарит радость раскрытия тайн мира, несколько другую радость.

Первое и второе слилось в нем воедино.

Поэтому искренне он уважал только тех, кто не был ловкачом, прощелыгой, а тех, кто самозабвенно трудился, у таких он даже не замечал явных недостатков.

Поговаривали, что его учитель проф. Д. П. Поручиков и проф. В. П. Воробьев любили выпить, даже бытовало мнение, что они были пьяницами. Как-то я спросил у Трофима Григорьевича, так ли это было.

Ответ был исчерпывающим: «Они любили молву, любили быть на языке у других, они больше куражились, чем пили. Слушали с удовольствием побасенки о себе и своих мнимых загулах, но и Дмитрий и Владимир Петрович трудились так, как никто другой. Соревновались они друг с другом, но не на пьянках, а по результатам своих трудов».

В аспирантуре я занимался морфологией желез респираторной части слизистой оболочки домашней свиньи, мне удалось налить эти железы соответствующими массами, один из сделанных мной препаратов я подарил ему.

Через некоторое время Трофим Григорьевич навестил меня и признался, что подаренный ему мной препарат он показал своему гостю-анатому из Польши. Тот удивился и по достоинству его оценил.

Сразу после этого Трофим Григорьевич сказал, что препарат сделал не он, а молодой, начинающий морфолог и назвал ему мое имя.

В свое время в институте проводились торжественные собрания, на них избранные клялись в любви и верности, брали социалистические обязательства, их награждали медалями, орденами, знаками и отмечали грамотами.

Я никогда не слышал и не видел, чтобы награждали Трофима Григорьевича, награждали лучших, а он, по мнению парткома, профкома и самое главное Осавиахима, лучшим не был. Я даже не знаю, наградили ли его медалью «Ветеран труда».

Когда награждали других, он оставался спокойносдержанным, создавалось впечатление, что суета его не трогала, ему жаль было впустую потерянного времени.

В своей жизни он пережил гонения, несправедливости, обиды, преследования, осуждения, непонимание, но не возроптал, никого не обвинил, остался собой, не предал, не изменил, и не спрятался, не подстроился под чужое.

Откуда-то узнал, что мой отец был расстрелян, что он из священнической семьи, сын клирика Полтавской епархии и осторожно узнал подробности трагедии моей семьи.

После этого наши отношения стали еще теплее, во время моей учебы в аспирантуре он наблюдал за моими трудами, рассматривал с интересом сделанные мной препараты. Как-то в присутствии моего тайного недоброжелателя, почувствовав его завистливое отношение ко мне, сказал, что сделанное мной – это очень интересно для науки. На его вопрос: « Неужели?» Последовал ответ: «Да, интересно!»

Он во всем старался к основательному изучению и приобретению крепких навыков, он не любил всего того, что сделано кое-как, наспех, надо делать как он по Цымбалу, старательно, красиво и добротнo.

Часто возникает вопрос – как жить, с кого брать пример, прожитую жизнь сравнивать с какой?

Все мы жили и живем в мире греха, в грешном мире, люди лучше сопереживают горю соседей, друзей, сотоварищей, чем их радостям. Так устроен мир, этим проверяется духовная крепость, истинность человека.

Цель жизни человека – это богоуподобление, спасемся, если препобедим соблазны, скорби, трудности, испытания.

Талантливым, одаренным людям в нашем мире всегда плохо, им завидуют, на них нападают, стараются унижить, найти в них что-то плохое, а еще лучше – если скверное.

Все это испытал на себе и Трофим Григорьевич, причем испытал по полному.

Наряду с признанием его как большого ученого и педагога, было и непризнание и даже осуждение. То его назначали заведующим кафедрой, то снимали с должности, то он был, то не был, не был чаще, чем был. То его научную работу хвалили, то упрекали в мелкотемности. То признавали и хвалили его педагогическую систему, методу, то критиковали за излишнюю, как им казалось, требовательность.

Все он сносил, но ему было больнее, чем другим. Дело заключалось в том, что ни он, ни подобные ему не могут себя защитить. Им кажется, что им не надо себя защищать, постоять за себя, им кажется, что их жизнь, их дела говорят сами за себя.

Тружусь, ищу, никого не обижаю, живу по Божьим заповедям, что же еще надо. Если кто-то и будет судить, то он должен судить по справедливости, по совести, тогда все установится.

Но ... на деле все по-другому, до обиды, до слез по-другому. В подавляющем большинстве случаев приходится доказывать то, что не требует доказательств. Приходится тратить время на ненужную никому доказательность.

Трофим Григорьевич формально был кандидатом наук, доцентом, правда, все знали, что объем его знаний, его умение значительно выше, чем у работавших с ним, но более титулованных, чем он. Часто они оказывались мыльными пузырями, большими, красивыми, но ненужными и недолговечными.

Он же – камень, твердый, основательный, нужный на бурном течении жизни.

У него была докторская диссертация, основательная, настоящая, с данными новыми и необходимыми. Диссертацию надо было оформить, надо было представить, надо было защищать, а для этого надо было отвлечься от той работы, которую он считал нужной, полезной, необходимой, надо было сократить время работы со студентами в анатомке.

Под нажимом, заставили, сделал и победил, хотя все знали, что он давно уже и доктор и профессор.

У него, как и других, был дом, была жена и были дети, семья, но главным домом для него стал анатомка, он все ей отдал, на алтарь служения институту он отдал всю свою жизнь, не добавив жене, детям и своим родственникам.

Вот поэтому Т. Г. Цымбал и Харьковский ветеринарный институт стали единым целым, вот поэтому о Харьковском ветеринарном институте говорили: «Это тот институт, где работает Цымбал!» Высшая похвала для Учителя и ученого.

Анатомку ХВИ без Цымбала и Цымбала без анатомки представить было трудно, даже невозможно.

Мне тоже хотелось быть морфологом, я хотел им стать, я сознательно готовил себя к профессии ученого морфолога, но нормальным морфологом не стал, из ХМИ меня выгнали, а в ветеринарном институте не сложилось. На все воля Господня!

После окончания ХВИ все мы, окончившие этот институт, должны были два года отрабатывать в сельском хозяйстве. Я отработал, хитрые мои сокурсники не отработали, ловчили, опирались на связи, на корпоративные отношения.

Пришел после отработки поступать в аспирантуру. Кафедрой анатомии в то время в ХЗВИ заведовал проф. И. П. Осипов, Т. Г. Цымбал работал на кафедре доцентом.

К проф. И. П. Осипову поступать в аспирантуру не хотелось, а к доценту Т. Г. Цымбалу поступить было нельзя, нарушалась субординация, так утверждал проректор по науке проф. П. Е. Божко, сделал попытку поступить на гистологию к проф. Г. С. Крок, но она мне отказала, мне кажется, что ей я был не совсем удобен.

Удобство – это важно, интеллектуальная и духовная совместимость, созвучность – это залог успеха в коллективе, в его работе, особенно если ученик разувериться в способностях учителя и из ученика вдруг превратится в учителя.

Мне сейчас трудно вспомнить, кто был другом Трофим Григорьевича, с кем он чаще других общался.

Чаще других кажется с ним рядом был М. Е. Пилипенко, мягкий, добрый, немногословный. Реже – Я. П. Пустовар, общим для них Трофима Григорьевича и Якова Павловича были вехи их жизни, оба из крестьян, оба в одно и то же время учились в аспирантуре, оба постигали премудрости научного поиска, даже у одного и того же учителя учились немецкому языку, оба страдали от несправедливости, обоих преследовали и обвиняли за несодеянные ими грехи, главный из которых – украинский национализм.

Любить Украину, ее действительные красоты, любить ее пісні, рідну мову, історію, мистецтво, тогда все это считалось изменой, а по мнению главного идеолога Лазаря Моисеевича Кагановича, еще и наказуемым предательством, изменой. Трофим Григорьевич часто общался на родном украинском языке и на этом же языке предупреждал студентов – необходимо отвечать на его вопросы, на ... русском. Яков Павлович Пустовар, еще больший преступник, он издал учебник по патанатомии на украинском языке, в нем вспоминал Моргана и Вейсмана, а во время войны еще и попал в плен.

Администрация ХЗВИ и особенно его тупоумное партийное руководство так и не смогло понять, кто такой работающий в институте Трофим Григорьевич Цымбал. У нее не хватило смелости признать, что он – выдающийся украинский морфолог-анатом, яркий педагог, исследователь-новатор, настоящий интеллигент, патриот своей страны и человек, беззабвенно и самозабвенно любящий ветеринарию.

Трофима Григорьевича, отдавшего свою жизнь по беспредельной любви ветеринарной анатомии трудно было представить без предмета его любви, вне ее.

Такое представить могло только полное хамство, безрассудство и коварное зло. Оно не только представило, но и осуществило, - отстранило его от работы в институте, свершило подлость, грязную гнусность, причем сделало это тайно, руками тех, кто мнил себя выше Его, выше Его мудрости, мастерства и знаний. Им казалось, что они могут сделать что-то лучше, чем Трофим Григорьевич.

О том, кто сделал все, уже никто не помнит, их забыли, кто-то уже ушел из жизни, другие доживают свой век, но те и другие в безвестности. А его помнят, и будут помнить. Еще при жизни он стал легендой, легендой он и остался. Другой легенды, по всей вероятности, не будет.

Раб Божий Трофим – Божий избранник по делам, по жизни, по любви к делу, которому служил, по тому, что претерпел.

Утром я, как и все православные христиане, молюсь, вычитываю утреннее правило, среди тех, которых я поминаю, всегда Трофим: «Упокой, Господи, душу достойного (так я думаю) раба Твоего Трофима и прости, Господи, ему все его прегрешения и прими его в Твое Царствие Небесное».

Так каждое утро пока живу, молиться буду, вспоминая раба Божьего Трофима, понятного и созвучного мне человека, для меня он всегда пример настоящего человека, ученого, исследователя, гражданина.